

КАТЕРИНА

Рассказ

БАБА КАТЯ

Катерина Соломоновна Клюдт. Да, именно так: Соломоновна. Когда баба Катя, как звали ее внуки и соседи по дому, представлялась незнакомым людям или в учреждениях, она всегда делала ударение на своем отчестве: Соломоновна – спокойно смотря при этом в глаза собеседнику, словно намереваясь пригвоздить его словом. Ее прочие братья и сестры отчества стеснялись и втихаря поругивали деда Абрама, назвавшего своего сына, ставшего впоследствии их отцом, библейским именем Соломон. Теперь вот они всю жизнь вынуждены иметь папой Соломона Абрамовича, указывать это во всевозможных анкетах и постоянно доказывать, что они не верблюды, то есть не евреи. Фамилия у папы была тоже так себе – Шнайдер или Шнейдер, как называли ее на русский лад. За прошедшие десятилетия некоторые Шнейдеры сами немного переименовали свое отчество и стали называться Семеновичи, Самсоновичи или даже Юрьевичи, хотя нужно было обладать богатой фантазией или хорошо подмазать писаря паспортного отдела, чтобы из Соломона сделать Юрия.

Абрам

Соломон был восьмым сыном российских немцев-меннонитов Абрама и Марии Шнейдер, всего в семье было пятнадцать детей. Дед Абрам был человек истинный – не пил, не курил, не сквернословил, работал в поле от зари до зари, по воскресеньям ходил в молитвенный дом, где пел в церковном хоре, а чад имел – сколько Бог послал. Детей своих учил грамоте и жизни по Библии, других книг в доме не было: незачем, да и времени нет. Дети сызмальства должны были помогать родителям в работе, а в воскресенье и праздники их воспитанием занимались проповедник и староста общины.

Говорили в семье на своем языке – странной смеси голландского, старонемецкого и фризского диалектов, других языков не знали, хотя уже столетия жили среди русских, поляков и украинцев. Контакт с окружением было мало. Какая от них, безбожников, пьяниц и матерщинников, польза – срам один и неприятности. С Божьей помощью вынесли столько гонений, и дальше на том стоять будем, главное веру свою исконную сохранить. Соломона, как и положено, женили в восемнадцать лет, жену сыскали из своих – работающую да скромную, тоже Марией звали.

Дед Абрам умер в голодомор в начале тридцатых годов, когда всю пшеницу со двора вывезли солдаты со штыками, а корову, которая упиралась и не хотела идти за чужими людьми, как чувствовала скотина, что с дома сводят, пристрелили – от злости, наверное. Что это были за люди, дед Абрам не понял, он всю жизнь

прожил только среди своих, в армии не служил, поэтому в униформах и оружии не разбирался, да и говорили солдаты на незнакомом языке. Соломон же с беременной Марией и тремя детьми – Катерине тогда было четыре года – бежал от греха подальше в Казахстан. Там земли много, власти меньше, каждый день сытым ходить будешь – работай только, кочевые казахи общину не трогают: уважают и выменивают шкуры и мясо на пшеницу. Об этом старым готическим шрифтом писали свои братья-меннониты, уехавшие в Казахстан лет пятнадцать-двадцать назад. Они же приняли семью Соломона в общину, всем миром построили дом и определили на работу.

Соломон

О родителях и прошлой жизни Соломон старался не думать: страшно было. Вспоминал об этом только по ночам, когда от дум и страха мучила бессонница. Тогда, чтобы заснуть, он выходил во двор и глядел на небо и звезды, не такие, как на родной Украине, но тоже ничего, жить можно. Постояв во дворе, Соломон шел обратно в дом и любил жену – грех, конечно, но легче от этого становилось, засыпал потом. Мария же, как и положено, каждый год рожала по ребенку.

Сам глава семьи весь день работал, Мария хлопотала по хозяйству. От постоянных родов и работы у нее ноги пухли и усталость в покорных глазах стояла, как у побитой собаки, но порядок в доме был. За этим приглядывала Катерина. Два старших брата и остальные дети ее слушались: уж больно ловко у нее это получалось, как бы само собой. Говорит все по делу, работу распределит справедливо, по воскресеньям, когда главный молельщик Библию читает, всегда ответ знает и в такт подпевает. Соломон хмурился, конечно, что девчонка поперек старших братьев лезет и даже матери указывает, но молчал. Пусть уж Катерина вместо матери в доме за порядком следит, коли у нее получается. Вроде как и жизнь даже налаживается.

Что война с немцем началась, им сказал проскакавший мимо на верблюде казах. Узнав новость, Соломон крякнул только и сильнее налег на плуг. В самой деревне радио не было: бесовское это изобретение, одни неприятности, целый день на русском языке глаголит, от работы отвлекает. Одно время районные власти пытались в приказном порядке установить радиоточку, но она почему-то все время ломалась, ездить из района чинить было далеко – так и махнули рукой на отдаленную деревню. Отсталые люди, в Бога веруют – чего с них возьмешь.

Через три дня в деревне появился начальник с переводчиком. Всех жителей собрали на общее собрание в молельном доме, где человек в полувоенном френче с портфелем рассказал о вероломном нападении фашистской Германии на мирный Советский Союз, о братском единстве всех народов единственного в мире социалистического государства и о великом вожде всего прогрессивного человечества товарище Сталине. Под его мудрым руководством страна будет бить врага на его территории и освободит изнывающих под фашистским игмом рабочих и крестьян, которые с нетерпением дожидаются прихода доблестной Красной Армии.

Таких слов Соломон никогда не слышал, в Библии о пролетариате, мировом империализме и Договоре о ненападении с Германией ничего не говорилось, но понял, что хорошего ждать не приходится. Переводчик говорил плохо, постоянно путаясь в незнакомых, сложных словах: территория, пролетариат, великий кормчий всех прогрессивных народов, Лига наций, империализм, плутократия, интернационализм. При попытке перевести фразу любившего блеснуть образованностью начальника: «Сталинские соколы и наши доблестные танкисты стремительным марш-броском уничтожат фашистского зверя в его берлоге», – перевод-

чик запутался окончательно и начал говорить об Армагеддоне и огненных колесницах, с которыми он почему-то сравнивал советские танки.

Посланец из района немецкого языка не понимал, но слово Армагеддон уловил, бросил недовольный взгляд на потного от страха и усердия переводчика, после чего заговорил суше и понятней. Армию нужно кормить и одевать. Поэтому крестьяне обязаны сдавать всю сельхозпродукцию, не только с колхозных полей, но и с личных участков тоже. Кто скроет продукты – тот враг народа, и с ним поступят по законам военного времени. Нормативы на трудодень будут увеличены, возможно, в полтора-два раза. Их надо выполнять. Самовольные отлучки с работы запрещены. В деревню придут беженцы и эвакуированные с западных территорий – русские, украинцы, белорусы, поляки, прибалты. Их нужно разместить по домам, обустроить и поставить на работу.

Возможно, что в деревню на парашютах забросят немецких шпионов. Таковых непременно задержать и сообщить в районный НКВД. Сообщать надо и о настроениях прибывающих с запада беженцев: среди них могут быть незрелые элементы и провокаторы. Несообщение карается по законам военного времени. Всем жителям деревни не стоит забывать, что они хоть советские люди и полноправные члены семьи братских народов, но еще и немцы. Поэтому они должны вести себя послушно и не вызывать никаких подозрений. Немецкий язык с этого момента запрещен, и теперь все должны говорить на языке межнационального общения – великом и могучем русском языке. Это касается как жителей деревни, так и вновь прибывших. О тех, кто не хочет говорить по-русски, также нужно сообщать в районный НКВД. Староста деревни и главы семей лично отвечают за сдачу сельхозпродукции. Что еще говорил начальник, Соломон уже не слышал, в голове кружилось от страха, во рту пересохло.

Вернувшись домой, Соломон хотел рассказать семье о собрании, но не мог найти нужных слов, язык стал словно рашпиль и не помещался во рту. Ситуацию спасла Катерина. С не по возрасту серьезным лицом она встала и достала из-за спины учебник русского языка, несколько экземпляров которого хранились в модельном доме. По ним жители писали письма в учреждения, когда надо было. Пока шло собрание, Катерина тайком взяла одну книжку. Голос ее звучал четко: «С этой минуты мы днем и на людях говорим только по-русски. Учить будем каждый день по учебнику. Библию спрячем в сундук и будем читать по ночам, когда никто из чужих не видит. В огороде у нужника, но с наружной стороны, за плетнем, выроем погреб и будем хранить там продукты на голодный день. Лишнего не говорить, дома без толку не сидеть, в поле работать. После возвращения с поля сначала посмотреть, все ли в порядке в доме. Чего подозрительного заметишь – в дом не заходить, пока не прояснится обстановка. С Божьей помощью и эту напасть переживем».

С того дня Катерина, хоть еще девчонка-подросток, стала определять дела семьи, до хрипоты ругалась с приезжавшим из района приемщиком за каждый грамм сдаваемой продукции, вела домашние занятия по русскому языку и тайно читала Библию. К ним в дом поселили одну русскую и одну украинскую семью. Катерина выделила в доме каждой семье по комнате, установила график пользования кухней и другими помещениями, совместные занятия русским языком. У беженцев Катерина выменивала на продукты одежду и обувь для братьев и сестер, и даже кое-что на будущее отложила. Сам Соломон как-то смирился с тем, что бразды правления взяла Катерина, и не перечил ей.

В трудармию Соломона Шнейдера мобилизовали в январе 1942 года, а в марте он погиб на лесоповале, задавленный упавшим деревом. Напарник Василий Штамм, который должен был толкать подпиленный ствол со своей стороны, выронил направляющую рогатину, и дерево упало не в ту сторону. После работы Василия, как положено, избili остальные трудармейцы. Василий не сопротивлялся. Знал,

что за дело. Без порядка никак нельзя, крепче рогатину держать надо или крикнуть хотя бы, а то что ж – сколько так из-за него народа еще погибнуть может. О гибели отца семье сообщили только в конце того же 1942 года. О смерти мужа Мария Шнейдер так и не узнала, после его ухода у нее стали быстро пухнуть ноги, и однажды она тихо отошла в Царство Божье, о котором столько читала в святых книгах и откуда еще никто не вернулся. Так Катерина осталась в семье за старшую.

Катерина

Всех немцев поставили под комендантский режим и велели каждую неделю отмечаться у назначенного коменданта. Днем Катерина работала учетчицей – поспособствовал проникшийся к ней уважением приемщик из района. Младшие братья и сестры ходили в школу, за счет беженцев село увеличилось в три раза, в нем открыли школу и прислали нескольких молоденьких учительниц из города. Вечером все вместе работали в огороде.

В конце 1945 года село опять увеличилось: в него привезли тех российских немцев, которые в войну побывали в Германии, а после победы были возвращены в СССР и направлены на вечное поселение в отдаленные районы СССР. О том, что это поселение – навечно, а за побег полагается суровое наказание, объявили под расписку каждому поселенцу в 1948 году, для чего вызывали в бюро к коменданту, старшему лейтенанту Левону Оганесяну. Подписала и Катерина – а куда денешься.

Через несколько дней Катерина вновь пошла на прием к коменданту по личным вопросам. Их накопилось много. Нужно было разрешение на ее свадьбу с ссыльно-поселенцем Иваном Клюдтом. Катерина уже почти полгода жила с ним без регистрации и мучилась от этого. Из некогда чисто меннонитского поселения деревня за годы войны превратилась в большое многонациональное село, где от бывшего пуританства остались одни воспоминания. Геенны огненной за жизнь во грехе Катерина уже не боялась, но все же сказывалось меннонитское воспитание.

За прошедшие годы она как-то постепенно оформилась в приятную девушку. Не красавица: невысокого роста, но ладная, с пышной грудью и милым, открытым, немного курносым лицом. Да и возраст подходящий – уж двадцать лет, почитай, и фактически уже семью с Иваном создала. Детишки пойдут – негоже это, если дети у нерасписанных родятся. Младшие братья и сестры хотели учиться дальше. На все требовалось разрешение коменданта.

Старший лейтенант Оганесян

Старший лейтенант Оганесян пребывал в дурном расположении духа. Возраст у него был уже хорошо за тридцать, недавно он заметил морщинки у глаз и первые седые волосы на висках. Для записного сердцееда, которым он всегда считался, это были тревожные признаки. Левону уже давно пора было бы быть майором или хотя бы капитаном, но его почему-то все время задвигали, а должности и звания получали другие, с родственными и земляческими связями. «Так до пенсии и придется караулить фрицев в этой глубинке», – с тоской думал сотрудник ведомства папы Берия. «Капитана дадут перед самой отставкой, чтобы пенсия на сотню больше была, – да и вся любовь».

Жена Левона с сыном за ним не поехали, остались жить в городе. Жена объясняла это необходимостью дать мальчику хорошее образование. Левон, правда, как опытный сотрудник всезнающих органов в это не особо верил. Более того, довели до него слухок, что жена крутит с подполковником из окружного управле-

ния, поэтому и держат Оганесяна в этой дыре – чтобы не мешал любовным утехам влиятельного чина. От этих мыслей горячий уроженец армянских гор помрачнел еще больше и, чтоб отвлечься, решил заняться делом – то есть приемом населения. Первой на прием была записана Катерина.

Когда Катерина зашла в небольшую комнату коменданта, Левон все еще был занят собственными невеселыми раздумьями, потому слушал посетительницу вполуха, подперев рукой голову и уставившись на висящий на противоположной стене портрет шефа своего ведомства. Сквозь известное всему миру пенсне шеф глядел строго и в самое сердце, как будто хотел своим рентгеновским взглядом прямо с портрета насквозь просветить подчиненного в далеком Казахстане.

«Всем им чего-то надо, все обмануть норвят, а бабы хуже всех: обещают, а потом не делают – надеются, что «за так» проскочат», – лениво ворочались в голове старшего лейтенанта профессиональные и личные мысли. Постепенно, однако, посетительница его заинтересовала, вернее даже не она, а ее колыхающаяся от разговора и волнения грудь. После осмотра этой самой важной, по мнению Оганесяна, части женского тела, он взглянул на лицо обладательницы этой роскоши. Лицо ему понравилось. До этого он несколько раз мельком видел ее в деревне и на работе, но не обратил на одетую в рабочий халат и закутанную в платок Катерину никакого внимания.

Он любил такой тип женщин – простых, без выкрутасов и интеллигентских штук с головной болью, возникающей в самый неподходящий момент, когда мужчине хочется ласки, страстных, но послушных и домовитых, – которые после занятий любовью суп сварят и любовника накормят, а не пошлют в магазин за цветами или начнут требовать подарков. Вернувшиеся с фронта офицеры рассказывали много интересных историй, где они фигурировали в качестве героев-любовников, доводивших до изнеможения белокурых немецких бестий. Бестии не могли устоять перед советским офицером и за ночь любви с мужественным победителем были готовы на все – рассказывали под водку и селедку бывалые солдаты, смачно заедая рассказ хрумким огурцом. Оганесян завидовал им в такие моменты.

Сам старший лейтенант на фронте не был – ковал победу в тылу. Этому сберегающему здоровье факту способствовал тот же незримый подполковник, тогда не менее влиятельный майор окружного управления. Жене Оганесяна не улыбалось стать гордой вдовой: статус замужней женщины и зарплата мужа ее вполне устраивали, да и сыну нужен отец. Муж – это надежно, офицеры органов не разводятся, а поклонник может враз исчезнуть, как ветром сдует. Ее шепотка разомлевшему от коньяка другу хватало, чтобы Левон был признан незаменимым специалистом и оставлен на тыловой работе по борьбе с внутренним врагом. Покровителю тоже не нужна была свободная женщина, ищущая удачного замужества. Соломенная вдова его вполне устраивала. Вот и помотался Левон по этапам, сопровождая заключенных, подальше от дома – зато живой.

Теперь одна такая белокурая немка сидит в кабинете и чего-то от него хочет. Когда он ознакомился с сутью дела, настроение старшего лейтенанта улучшилось. «Дела для просительницы жизненно важные, их исполнение зависит от меня, за это можно многое потребовать. Родителей у нее нет, сама себе голова, да и в семье за старшую – спрашивать не у кого, ведет себя неробко – эта ломаться не будет», – почти автоматически пронеслось в голове бонвивана. Остальное для бывалого офицера НКВД/МГБ было делом техники: государственно нахмуренный, как бы в тяжких раздумьях, лоб, внимательное ознакомление с прошением, рытье в служебных инструкциях, участливый взгляд доброго, хотящего помочь дяди.

«Дело у вас сложное, спецпоселенка Шнейдер, приходите ко мне вечером после приема, а то сейчас народу много, стресс, понимаете ли», – ввернул новомодное слово предчувствующий приятное приключение старлей. И добавил веско:

«Так, значит, за гражданина Ивана Клюдта замуж собрались? А я его дело уже в спецтрибунал хотел передавать. Не понимает сложную международную обстановку, когда в ООН империалисты против нас заговоры строят», – опять вставил новомодное слово комендант и поправил и без того безукоризненный пробор. Лучше пробора в Оганесяне были только до блеска надраенные сапоги. Он себе решительно нравился и считал неотразимым. «Разговоры ваш Иван ведет неправильные, не соответствующие нынешнему этапу построения коммунизма. С такими нам не по пути. Ничего, на урановых рудниках не до шуток будет», – добавил он уже без отеческих ноток в голосе.

Офицер МГБ врал только наполовину, когда рассказывал Катерине о компромате на Ивана. Он действительно получил из области разнарядку на отправку нескольких молодых мужчин на строительство юной, но такой важной для обороны страны атомной промышленности. Дело оставалось только за пригодным человеческим материалом – здесь старший лейтенант еще не определился с выбором. «Не придет Катька, отправлю Клюдта на рудники. Материалы дела готовы, надо только имена вписать. Вот и поедет Ваня в такие места, откуда нынешнее спецпоселение в Казахстане подмосковным домом отдыха покажется. Пусть тогда своей Кате спасибо скажет». Оганесян довольно закурил папиросу и подумал, что маленькие радости можно иметь и на его должности, да и жизнь не так уж плохо устроена. А седые волосы можно вырвать или незаметно подкрасить черной краской. Надо в следующий раз не забыть купить в городе.

Свидание

Комендант спецпоселка, мужчина, да еще и старший по возрасту, подчеркнуто называл Катерину на «вы», и от этого ей становилось как-то особо не по себе. Это «вы» не предвещало ничего хорошего. Она коротко кивнула и, ничего не сказав, вышла из комнаты. Катерина знала, что за кабинетом начальника была маленькая комнатка для отдыха, с кроватью, застеленной розовым покрывалом с вышитыми слониками, и умывальником. В поселении никто ничего не рассказывал, но все об этом знали. Слухи – они сами рождаются, без папы, мамы и посторонней помощи.

В шесть часов вечера, как и было велено, Катерина стояла у здания комендатуры. Оганесян уже ждал и сразу открыл дверь. Он собирался сначала красиво поухаживать, как и положено галантному мужчине, угостить даму вином и припасенными для такого случая привезенными из города конфетами, но как только он увидел приодевшуюся Катерину, взыграла горячая кавказская кровь. Он сразу повел свою новую страсть в заднюю комнату, на ходу снимая с нее кофточку и юбку и пытаясь одновременно акробатическим жестом стащить с себя сапоги, не попортив глянец.

Когда через три часа Катерина вышла из комендатуры, старший лейтенант Оганесян был в отличном настроении. Все оказалось много лучше, чем он предполагал. Ни крика, ни слез, ни ломаний. Катерина делала все, что он хотел, просила еще, говорила комплименты о его страстности и мужской силе и требовала нового свидания. Бюст у нее и вправду был великолепный, а новое свидание было назначено на следующий день. Жизнь снова поворачивалась к старшему лейтенанту солнечной стороной. В этой бочке меда плавала, правда, одна ложка дегтя.

Через неделю должен был приехать проверяющий из района майор Смурыгин. Оганесян многого ждал от этой проверки. Майор к нему благоволил и намекал на возможность перевода с повышением и присвоение очередного звания. Для этого были основания. Рабочие колонны и бригады Оганесяна постоянно перевыполняли план, причем не на бумаге, как у других, а на деле. За время службы

Оганесяна из спецпоселения никто не сбежал. Обо всем этом заботился бригадир Вальдемар Вагнер, «бугор», как его в глаза и за глаза звали ссыльнопоселенцы.

Двухметрового двадцатикилограммового верзилу с низким лбом и пудовыми кулаками боялись все. Умом Вальдемар не блистал, но был с хитринкой и жизненным опытом, знал, как одним едва заметным движением кулачищ заставить людей слушаться себя. Левон плотно держал Валика, как свойски называл его, на хорошем крючке. В войну немец из-под Одессы служил в СС, участвовал в антипартизанских и карательных акциях и был даже за заслуги награжден Железным Крестом II класса, который вручил ему один штурмбаннфюрер или еще какой-то высокий фюрер – в немецких званиях Левон не сильно разбирался, но фотография награждения в деле Вагнера хранилась. Оганесян хода делу не давал, поэтому Валик с подобострастием смотрел в глаза своему благодетелю и выполнял каждое его поручение. Он же регулярно давал отчет о каждом человечке из поселения.

«Странная штука жизнь», – думал старший лейтенант, – на урановые рудники должен был бы отправиться Валик, на это и десятой доли его зверств хватило бы, а вместо него туда чуть Клюдт не загремел, который фашистов в глаза не видел, всю войну работал на победу на трудовом фронте и за свою жизнь мухи не обидел. Хорошо – его баба спасла, понятливая оказалась. Но что тут поделаешь, жизнь такая». Валик был незаменим для управления поселением, а Ваня Клюдт нет.

Оганесяну понравились собственные философские мысли: ну не хуже, чем у Фридриха Маркса и Карла Энгельса, – других философов Левон не знал, а об этих рассказывали на партийных занятиях. Нет, решительно все в нем было хорошо: и пророб, и сапоги, и мысли. Не зря от такого мужчины все женщины без ума. А седина, кстати, украшает мужчину – он выглядит более мудрым, главное, чтобы живота не было, – но с этим у него пока еще все в порядке.

На выходные для майора Смурыгина были подготовлены баня и рыбалка. «Может, ему и Катюку предложить? – размышлял Оганесян. – Майор таких любит». Девка, конечно, ему самому нравилась, но в его жизни будет еще много таких Катек, а карьера одна. Лет ему и так уже немало, оступиться нельзя, а то действительно до конца службы в старлеях проходишь. В том, что Катерина у него плотно сидит на крючке и выполнит любое его приказание, старший лейтенант не сомневался. Посмотрю, как завтра себя поведет, тогда решу, – немного успокоил свою совесть Оганесян. Левон лукавил сам с собой. Он уже все решил: карьера для мужчины важнее, чем какая-то баба. И вообще, он должен думать о сыне.

Игра

Катерина пришла, как и обещала, опять в восемнадцать часов. На это раз она не кинулась в объятия страстного Левона, а спокойно отстранила его и коротко сказала: «Поговорить надо, гражданин старший лейтенант». «О чем там говорить, понимаешь, к делу переходить надо», – недовольно подумал Левон. – «Просить чего-то будет, не могла, дура, на потом отложить», – но почему-то послушался. То, что он услышал, потрясло его закаменевшую от работы в органах душу. Вчера, пока осовевший после вина и любви Левон дремал под розовым одеялом с приносящими счастье слониками, Катерина пробралась в кабинет, благо дверь была открыта, и выкрала его партбилет и секретные инструкции, которые он оставил на столе после утреннего приема.

От злобы у Оганесяна сдавило горло и возникло острое желание немедленно убить мерзавку. «При попытке к бегству», – молнией пронеслось в голове старшего лейтенанта. Была еще надежда, что девка просто врет, чтобы его поугагать. Оганесян кинулся в кабинет: нет, правда – ни партбилета, ни секретных последних ин-

струкций. Не зря большой папа с портрета так жалостливо-предупреждающе смотрел на Левона. Главный смотрящий и держащий страны видел все, даже с фотографии. «Стереть в лагерную пыль», – вспомнил он любимое изречение шефа и подумал о том, сколько сотрудников, считавшихся самыми надежными, ушли в небытие. За утерю документов и партбилета при таких обстоятельствах головы не сносить. Подумать только, какой урон авторитета органов. Комендант с девчонками балуется, а молодая ссыльнопоселенка у него в это время бумаги крадет. Тут и влиятельный подполковник не поможет. «Убью, – еще раз подумал Левон. – Но сначала она должна вернуть документы».

Словно читая его мысли, Катерина спокойно сказала, что документов у нее нет. Спрятаны. В разных местах. А часть инструкций передана через ходоков в другой поселок. Теперь ищи-свищи их. Левон тихо завыл от животной злобы и страха за свою жизнь. Катерина без паузы перешла к сути дела. Комендант Оганесян дает разрешение на свадьбу, Ивана Клюдта не трогает и в качестве поощрения за доблестный труд переводит всю семью в город, где есть школа-десятилетка и медучилище. На этом дело заканчивается, и они больше не встречаются. Партбилет он получит по почте после того, как вся семья будет в райцентре, а секретные ведомственные бумаги будут для надежности лежать у нее. Их все равно никто не хватится. На раздумья она дает Оганесяну одну неделю. Катерина подошла к мрачно молчащему старшему лейтенанту, внезапно прижалась к нему всем телом и сказала, глядя на него глазами с поволокой: «А ты мужчина горячий, комендант. Устроится все – может, опять приду, если захочу», – и без спешки вышла из комендатуры.

Руки и ноги у нее дрожали, но вида она не подавала и не обращала внимания на провожавших ее взглядами соседей, заметивших, сколько времени она провела в комендатуре. Катерина блефовала. Выкраденные документы она действительно спрятала, но помощников у нее не было и бумаг никто за пределы поселка не вывозил. Если Оганесян откажется выполнять ее требования, ей не останется ничего иного, как сдать его начальству. Здесь на полдороге останавливаться нельзя, надо идти до конца, а там будь что будет. Игра была отчаянная, но другого выхода не было. Про разнарядку на какие-то особые шахты, где рабочих убивают специальными лучами из привезенных из самой Америки приборов, эксперимент такой делают, – ей рассказала уборщица комендатуры.

Александр Леонович Клюдт

Свадьбу с Иваном Клюдтом сыграли через месяц после этих событий, а еще через два месяца вся семья была по производственной необходимости переведена в город. Катерина оформляла все бумаги и по надобности часто бывала в комендатуре. Оганесян смотрел на нее странным взглядом, был необычно тих и услужлив. История с кражей документов неожиданно сблизила их, связала общей тайной, сделала даже сообщниками. Эта тайна била в голову, делала ватными ноги, придавала особое значение даже самым простым словам и жестам. Оганесян впервые в жизни получил наслаждение от неслыханного унижения, которое он претерпел от женщины много моложе его, да еще и зависящей от него во всех отношениях. Это только распалило его страсть.

Перед отъездом в город они еще несколько раз встречались в задней комнате. Слоникам на покрывале пришлось очень напрягаться, чтобы выдержать неистовство чувств белокурой немки и черного огнеокого кавказца. Ваня был, конечно, хороший муж – тихий, работающий, непьющий, – но как любовник он страстному Оганесяну в подметки не годился. В последний вечер перед расставанием Левон

почти плакал, рассказывал про стерву-жену и обещал обязательно найти Катерину. Больше она его не видела.

Вскоре после отъезда Катерины старшего лейтенанта Л. Оганесяна повысили в звании и перевели на более ответственную работу. Помог положительный рапорт майора Смургина, а главное, перевод в Киев незримого, но очень осязаемого подполковника. В столице Советской Украины теперь уже полковника и заместителя начальника одного из управлений республиканского МГБ ждали новые задачи, новые люди, новая квартира, новые женщины. Он по-своему оказался даже честным человеком. Перед отъездом в Киев «старый друг семьи» «за особые заслуги» похлопотал о продвижении Левона по службе, хотя главную службу несла жена Оганесяна и награждать надо было бы ее, с усмешкой подумал новоиспеченный полковник, любовно разглядывая солидно сверкавшие три массивные звездочки на новеньких полковничьих погонах.

Когда Катерине в роддоме показали ее первенца с густыми черными вьющимися волосами, она сразу поняла, что отец мальчика – не бесцветный Ваня, а старший лейтенант Левон Оганесян. Она это и во время беременности чувствовала, но теперь сомнений быть никаких не могло. В городе о Левоне ничего не знали и ненужных вопросов, откуда у четы немцев сын с орлиным носом и черными волосами, не задавали. Мальчика назвали Александром. Дома Ваня делал вид, что ничего не произошло, и жизнь пока что шла дальше своим правильным, неспешным ходом...